

Тиханов Павел Никитич

Брянский говор

**Заметки из области русской
этнологии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Никитич Т.**
Брянский говор: Заметки из области русской этнологии / Тиханов Павел Никитич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 267 с.

ISBN 978-5-519-76804-7

ISBN 978-5-519-76804-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Лѣтъ девять назадъ, въ Брянскъ прїѣзжалъ академикъ А. А. Шахматовъ съ цѣлю изслѣдованія мѣстнаго говора. Какіе результаты добыты имъ — намъ неизвѣстно (см. Брянскій Вѣстникъ, 1895, 37).

Позднѣе, въ Калужскомъ Вѣстникѣ намъ встрѣтилось письмо профессора петербургскаго университета, академика А. И. Соболевскаго, гдѣ выражено желаніе имѣть свѣдѣнія относительно говора въ Калужской губерніи. Письмо такъ и озаглавлено: «Какъ говорятъ въ Калужской губерніи?»

«Нашъ великорусскій центръ, пишетъ г. Соболевскій — въ дѣлѣ самоизученія все болѣе и болѣе отстаетъ отъ окраинъ, и между прочимъ наличныя свѣдѣнія объ языкѣ его населенія совсѣмъ ничтожны въ сравненіи со свѣдѣніями объ языкѣ напримѣръ населенія Пермской губерніи. Калужская губернія не представляетъ исключенія, несмотря на всю важность своего положенія между Великою Русью и Бѣлоруссіей. Наука не знаетъ объ языкѣ ея жителей почти ничего. Есть указанія, что въ такомъ-то уѣздѣ въ говорѣ «замѣтна близость Бѣлоруссіи», и только. И вотъ мы рѣшаемся обратиться къ читателямъ Калужскаго Вѣстника съ покорнѣйшей просьбой сообщить свѣдѣнія объ языкѣ населенія извѣстнаго имъ города, волости, прихода, села, деревни, отвѣтивъ на слѣдующіе вопросы».

Вопросы эти мы приводимъ ниже, а пока не можемъ не остановиться на нѣкоторой неточности изложенія самаго письма.

Въ немъ смѣшивается два понятія: *языкъ* и *говоръ*, что легко можетъ сбить желающаго усиленно служить дѣлу, которымъ интересуется почтенный профессоръ. А что такое предположеніе справедливо и не безъ основанія, доказывается примѣчаніемъ, какое сдѣлала редакція Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, перепечатавъ у себя программу г. Соболевскаго.

«Было бы очень желательно, читаемъ въ названныхъ Вѣдомостяхъ — провести (произвести?) подробныя (подобныя?) же изслѣдованія и въ остальныхъ великорусскихъ губерніяхъ. Это дѣло великой важности. Каждый народъ съ самой ранней эпохи своего развитія владѣетъ возможными (sic) нравственными основами своей національности въ языкѣ. Разговорный же языкъ каждаго народа, въ особенности языкъ простого класса, имѣетъ громадное значеніе. Онъ — органъ преданій, не столько умственныхъ, сколько нравственныхъ, не столько образованія, сколько воспитанія. Этимъ языкомъ передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію не столько идеи, сколько нравы, а разъ усвоенные нравы очень трудно поддаются не только исправленію, но и дополненію. Пишущему эти строки, далѣе говорить о себѣ авторъ замѣтки Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, еще въ 1893 году пришла мысль собрать, насколько это было возможно при другихъ многосложныхъ обязанностяхъ службы, небольшое число словъ, вошедшихъ въ *курское нарѣчіе*. Списокъ этихъ словъ помѣщенъ въ Памятной Книжкѣ Курской губерніи на 1893 годъ. Онъ встрѣтилъ большое сочувствіе въ нашей журналистикѣ».

Впрочемъ, смѣшеніе понятій что такое языкъ, нарѣчіе и говоръ — быть можетъ произошло здѣсь и помимо программы г. Соболевскаго.

Кстати. Въ одномъ изъ своихъ нумеровъ Курскія Губернскія Вѣдомости привели изъ Кіевского Слова «цѣлый рядъ особенностей мѣстнаго говора какъ въ устной рѣчи, такъ и въ печати».

Какъ ни странно звучитъ выраженіе: «особенность мѣстнаго говора въ печати», ибо въ печати всегда должно бы появляться

съ языкомъ чистымъ, общепринятымъ литературнымъ, каковой для всѣхъ и у всѣхъ пишущихъ, предполагается, только одинъ, если дѣло идетъ не о примѣрахъ какого-либо говора, приводимыхъ подлинникомъ въ филологическихъ изслѣдованіяхъ, тѣмъ не менѣе въ послѣднее время надо считаться и съ этимъ фактомъ, именно съ «мѣстнымъ говоромъ въ печати». Неряшливость языка, разумѣемъ печатное слово, дошла теперь до невѣроятной степени, и помимо проскальзыванія чего-либо изъ мѣстнаго говора, съ чѣмъ можно бы мириться, нерѣдко встрѣчаются такія слова, даже цѣлыя реченія, которыя невольно заставляютъ обращать на себя вниманіе. По сему поводу возникло въ Петербургѣ общество подъ именемъ «Союза ревнителей русскаго слова», но чѣмъ заявилъ себя этотъ Союзъ и гдѣ труды сего общества — намъ неизвѣстно.

Затѣмъ немного преувеличенное заявленіе Курскихъ Вѣдомостей о «цѣломъ рядѣ особенностей мѣстнаго говора» сводится всего къ десяти случаямъ, и нѣкоторые примѣры, приведенные въ подкрѣпленіе ихъ — по нашему крайнему разумѣнію вовсе не составляютъ никакихъ особенностей, а суть выраженія обычныя, свойственныя любой мѣстности великой Россіи.

Вотъ эти особенности мѣстнаго говора:

1. *«Я ей утру носа»* — грозитъ разсерженная кіевлянка, въ домѣ которой бываетъ иногда такой каламбуръ (?!), что никто ничего не разберетъ.

2. *«Много дали за поросенка? — Дала рубля»*.

Въ обоихъ случаяхъ полонизмъ, хотя говорятъ: далъ ту-мака, далъ стрекача, ходитъ журавля, копейка рубля бережетъ, и проч. Потомъ, если въ первомъ примѣрѣ слово «каламбуръ» не опечатка и не lapsus calami, то слѣдовало бы и его отмѣтить кавычками, какъ употребленное здѣсь въ смыслѣ: сумбуръ, кавардакъ, и т. п.

3. *«А онъ похожъ на лицо?»* спрашиваетъ одинъ артистъ другого, указывая на портретъ силача Ребера и желая знать, похожъ-ли портретъ на оригиналь.

Но такъ говорятъ теперь не одни артисты.

Вотъ примѣръ: «...Предстала наконецъ эта ожидаемая почти съ нетерпѣніемъ фигура поэта, стройная, величественная, спокойная. Надо отдать справедливость художнику: *Пушкинъ необыкновенно похожъ на себя* и не лишенъ творческой идеализаціи» (Впечатлѣнія одного изъ депутатовъ при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ: Берегъ, 1880, 106. — Здѣсь опущено одно слово: «его». Слѣдовало бы сказать: «его (художника, въ данномъ случаѣ скульптора) Пушкинъ»... и проч., хотя и тутъ выраженіе «похожъ на себя» звучитъ странно, ибо въ русскомъ языкѣ хотя и существуетъ вопросъ: «на кого ты похожъ?» — но употребляется онъ только относительно лицъ, дѣйствительно на себя не похожихъ, временно лишаящихся обычнаго своего вида).

4. «Большинство губернскихъ начальствъ, продолжаетъ наша газета, высказалось, какъ мы слышали, *противъ преобразованія мірскихъ сходовъ въ собранія домохозяиновъ*».

По всей вѣроятности, тутъ обращается вниманіе на неправильное употребленіе послѣдняго слова, которое въ родительномъ множественнаго даетъ: «домохозяевъ». Сомнительно однако, чтобы этотъ lapsus linguae составлялъ особенность говора какой-нибудь мѣстности, по крайней мѣрѣ — трудно предположить, чтобы русскій человѣкъ, даже неграмотный, говорилъ: домохозяины, и проч. Не гораздо-ли проще видѣть въ этомъ примѣрѣ корректурную оплошность, а не особенность «говора въ печати?»

5. ...«*причемъ жидкость изъ бутыли оказалась наполону выльена*», писалъ въ протоколѣ секретарь съѣзда мировыхъ судей.

— Что? спросилъ предсѣдатель.

— «Выльена», отвѣтилъ секретарь, и сталъ продолжать записъ показаній свидѣтеля.

Приведенная форма характеристична, но въ такомъ видѣ своемъ она не имѣетъ никакого значенія, ибо неизвѣстно — изъ какой мѣстности происходитъ секретарь. Кажется однако,

«выльена» не южнаго происхожденія, а едва-ли не изъ губерній восточной полосы Россіи.

6. «*Первыя цылюрни*», говорилъ учитель исторіи, заведены въ Россіи при Петрѣ Великомъ.

«Цылюрня» вм. цирюльня (цырульня) — выраженіе южно-русское, есть даже фамилія Цылюрикъ.

7. «*Гуляйте*», говоритъ хозяинъ гостямъ, приглашая ихъ посидѣть еще.

8. «*Газета опачкала*», жаловался одинъ батюшка, когда газета въ корреспонденціи указала на его грѣшки.

9. «*Чи-жъ я вамъ прислуга? Чи-жъ вы меня (sic) изъ неволи выкупили?*»

10. «*Проведите меня*», обращается барынька къ франтику, имѣя впрочемъ въ виду, чтобы онъ только ее проводилъ, потому что провести себя она и не позволить, да и не желаетъ: сама и проведетъ и выведетъ.

Какая особенность мѣстнаго говора заключается въ послѣднихъ четырехъ примѣрахъ (7—10) и въ чемъ именно состоитъ она — не понимаемъ.

«Гуляйте къ намъ» — говорятъ и въ Калугѣ, замѣняя этимъ: жалуйте, приходите, навѣщайте, и проч. Въ данномъ же случаѣ «гуляйте» совершенно естественно означаетъ приглашеніе хозяиномъ своего гостя посидѣть еще, погулять, подъ чѣмъ разумѣется различное провозженіе времени: въ бесѣдѣ, играхъ, и т. п. Въ Брянскѣ глаголь этотъ понимается въ томъ же смыслѣ. Къ слову: глаголь «гулять» въ томъ значеніи, о коемъ идетъ рѣчь — не переводимъ ни на какой другой языкъ.

«Газета опачкала» — самая обыденная, самая обыкновенная метафора (ср. аттестатъ, формуляръ замаранъ, и проч.).

Примѣры девятый и десятый попали сюда вѣроятно по ошибкѣ.

Дѣло не въ этомъ однако: важно для насъ примѣчаніе, сдѣланное редакціей Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей къ приведеннымъ выдержкамъ «особенностей мѣстнаго (?) говора».

«И у насъ, читаемъ тамъ, во всей (Курской) губерніи говоръ мѣстнаго коренного населенія заключаетъ въ себѣ такія особенности, которыя рѣзко отличаютъ его отъ говора великорусскаго и нѣкоторымъ образомъ приближаютъ къ говору малорусскому. Такъ: *вечера* — ужинъ; *богатырь* — богатый; *жвавыи* — оборотливый; *чепурный* — опрятный; *ставъ* — прудъ, и т. п. А то есть и совсѣмъ особенныя слова. Наприм. шестнадцать выговаривается *шешнадицать*; тяжело — *чижело*; пшеница — *нашеница*; славный — *сламный*, и т. д.» (Курскія Губ. Вѣдом., 1895, 101).

Здѣсь все наоборотъ: говоромъ названы слова особенныя, а эти послѣднія выданы какъ говоръ.

Почти въ такомъ же родѣ встрѣтилась намъ замѣтка «о языкѣ жителей сѣверо-восточной части Городищенскаго уѣзда» (Пензинской губерніи).

Языкъ Городищенскаго уѣзда, говоритъ авторъ этой статьи — имѣетъ много особенностей: жители отдѣльных (!) деревень отличаются другъ отъ друга (не только-де) выговоромъ, (но) и строеніемъ рѣчи.

Вслѣдъ засимъ авторъ отмѣчаетъ въ выговорѣ (произношеніи) взятой имъ мѣстности замѣцу *ч* звукомъ *ц* (чего = цаво). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, далѣе продолжаетъ онъ — а въ серединѣ словъ произносятъ протяжно, наприм.: ска-а-тина, бра-ага, и проч. А въ одной изъ волостей отчетливо-де выговаривается *о*, но не такъ отчеканивается, какъ въ Ярославской, Владимирской и другихъ губерніяхъ.

Не только словъ, заимствованныя съ иностранныхъ языковъ (*sic!*), читаемъ тамъ, даже многія русскія искажаются или употребляются (въ сѣверо-восточной части Городищенскаго уѣзда, Пензинской губерніи) совершенно въ иномъ значеніи. Наприм.: вмѣсто «послѣ» говорятъ «опосля»; вмѣсто «хотя» говорятъ «хоша»; «погода» имѣетъ значеніе ненастья; хорошая погода на-

зывается «ведра»; глаголъ «хвастать» имѣетъ значеніе глагола «лгать»; глаголъ «любить» употребляется въ значеніи «имѣть связь»; глаголу «миловать» присвоено значеніе «любить».

До сихъ поръ ни одного иностраннаго слова. Затѣмъ, гдѣ-же иное значеніе въ двухъ приведенныхъ нарѣчіяхъ: *послѣ* и *опослѣ*, *хотѣ* и *хошѣ*, приче́мъ первое слѣдовало бы отмѣтить тѣмъ удареніемъ, какъ слово произносится въ данной мѣстности: о́послѣ, о́послѣ или опослѣ? Не произносится ли «ведра», какъ ве́дра? Но такъ оно слышится вездѣ (*вѣдро*), со смягченіемъ конечнаго безъударнаго *о*, которое получаетъ средній звукъ между *о* и *а*. Что до глагола «миловать», то его также слѣдовало бы передать съ надлежащимъ удареніемъ, каковое здѣсь вѣроятно надо подразумѣвать на послѣднемъ слогѣ (окситононъ), но и тогда врядъ-ли это будетъ *любитѣ*, какъ утверждаетъ авторъ.

Въ сѣверо-восточной части Городищенскаго уѣзда, читаемъ далѣе, «есть много словъ татарскаго и мордовскаго происхожденія, наприм.: шабры (сосѣди), харчѣ (говядина), баулѣ (возокъ), и проч.».

Грамматическихъ особенностей также много, говоритъ авторъ. «Въ третьемъ лицѣ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія пропускается въ окончаніи буква *е*. Вмѣсто: бываетъ, гуляетъ — говорятъ: бываѣтъ, гуляѣтъ. Въ окончаніяхъ дѣпричастій *о* замѣняется *м*: вмѣсто ѣвши, гулявши — говорятъ: ѣмши, гулямши.

«Окончаніе родительнаго падежа, множественнаго числа, именъ существительныхъ, на *оуз* не имѣетъ исключеній. Не говорятъ: оконѣ, солдатѣ, а окновѣ, солдатовѣ».

«Именительный падежъ множественнаго числа именъ существительныхъ часто замѣняетъ окончаніе *ки* на *ге*, наприм.: озорничѣе, дубѣе, и проч.».

Вотъ и всѣ особенности гóвора сѣверо-восточной части Городищенскаго уѣзда, какъ онѣ отмѣчены авторомъ. Но можно-ли по этимъ признакамъ составить себѣ хотя малѣйшее представле-

ніе о дѣйствительной рѣчи данной мѣстности, и что сказать объ этихъ удивительныхъ филологическихъ признакахъ городищенскаго говора, гдѣ въ числѣ примѣтъ есть одна наивная, оставшаяся однако безъ подтвержденія, это — искаженіе народомъ словъ, заимствованныхъ съ языковъ иностранныхъ? Между тѣмъ въ текстѣ статьи самого автора встрѣчается: «... за *дятеломъ*, какъ адъютантъ, слѣдуетъ синица и схватываетъ тѣхъ, которые успѣли спастись отъ *дятела* бѣгствомъ». Или: «*конопель* даетъ лучшій урожай», и проч.

О «строеніи рѣчи», чѣмъ жители отдѣльныхъ деревень Городищенскаго уѣзда отличаются-де другъ отъ друга — у автора не находится ни единого слова.

Что до родительнаго во множественномъ на *овъ*, то въ отвѣтъ скажемъ автору очерка, что это есть явленіе общее, заурядное, присущее многимъ мѣстностямъ, и въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ населеніи пришломъ можно слышать въ просторѣчій: дѣл^{овъ}, мѣст^{овъ}, мяс^{овъ} (именит. множествен. мяс^а въ значеніи тушъ), и т. п. Грамотный брянскій писецъ, перебѣляя официальные акты, между прочимъ употреблялъ нѣкоторыя выраженія въ такой же формѣ, и тутъ безъ сомнѣнія отразился мѣстный говоръ (беремъ дѣла архива брянскаго нижняго земскаго суда):

квитанцыевъ (дѣла 1780 года: III, л. 153)

узакононеніевъ (1782. ¹⁵/₆, л. 169)

нѣсколько разовъ (тамъ же, л. 399 об.)

для построенія адмиралтейскихъ употребленіевъ (1785. 10. 644)

съ копіевъ копія (тамъ же, л. 520)

повелѣніевъ (1791. ⁵⁹/₁₅. 329)

объ описи у содержателей именіевъ (1799. л. 15)

къ принятію именіевъ (тамъ же, 593 об.)

издѣльевъ (тамъ же, л. 612 об.)

волосовъ (тамъ же, л. 786), и мн. др.

Еще примѣры:

«надняхъ, читаемъ въ Орловскомъ Вѣстникѣ, въ

павильонѣ московской фирмы по фабрикаціи косметиковъ... начнется демонстративное приготовленіе разныхъ мыловъ» (1896. 161).

... «Евграфъ слегка пошатнулся отъ здороваго хлопка и сосредоточенно посмотрѣлъ на Востраго.

— Не пойду я въ питейный... что зря ходить! Деньговъ лишнихъ нѣтъ, опять и Сизой», и проч. (Народъ 1897. 75).

Погода.

«Сего апрѣля 20-го числа (1799 года) на переправѣ села Городища чрезъ рѣку Десну помѣщицы Ксеніи Козелкиной крестьяне три человѣка отъ погоды вывалило, и потонули» (арх. брянск. н. з. суда: 1799. 16. 402 об.).

Изъ аксессуарной части театральныхъ представленій XVIII вѣка:

«... «для бури и вѣтровъ» требовалось гороху сухого одинъ куль; «для представленія пожару въ городѣ Кароагенѣ» — льну чистаго 2 пуда, спирту 12 бутылокъ, и проч., а для «дѣланія въ погоду молніи» — гарпіусу самага чистаго 30 фунтовъ». (Гр. С. Д. Шереметевъ: Отголоски XVIII вѣка).

Значить ли отсюда, что говоръ нѣкоторыхъ классовъ Петербурга и Москвы, Брянска и другихъ мѣстностей сходенъ съ таковымъ же Городищенскаго уѣзда Пензинской губерніи?

Выше, при выдержкѣ изъ Курскихъ Вѣдомостей, мы видѣли смѣшеніе говора съ языкомъ, причемъ опредѣленіе сего послѣдняго какъ «органа преданій, не столько умственныхъ, сколько нравственныхъ, не столько образованія, сколько воспитанія», и проч., не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, и фальшиво отъ первой буквы до послѣдней. Тутъ же мы видимъ, что языкъ смѣшивается съ нарѣчіемъ.

Въ послѣднемъ примѣчаніи Курскихъ Вѣдомостей къ выдержкѣ изъ Кіевского Слова, мѣстныя выраженія, приближающіяся къ малорусскому нарѣчію — также называются говоромъ,

а то, что дѣйствительно составляетъ говоръ: шешна́дцать, чиже́ло, паше́нница; сла́мный, и т. дал., получило опредѣленіе словъ «совсѣмъ особенныхъ».

Видимо, понятія смѣшиваются.

Во всей Россіи коренное ея населеніе, народъ, говоритъ языкомъ русскимъ, который одинъ для всѣхъ.

Вслѣдствіе особыхъ, исторически сложившихся условій существованія, обычной ассимиляціи народностей, племенныхъ вліяній, и т. п., изъ этого языка образовались нарѣчія (бѣлорусское и малорусское), область коихъ опредѣляется извѣстными границами: отсюда названія Бѣлороссіи и Малороссіи. Вся остальная территорія, все пространство Россіи, за исключеніемъ названныхъ районовъ, окраинъ и областей съ инородческимъ населеніемъ — представляетъ лишь говоръ, иное произношеніе языка русскаго (великорусскаго).

Не такъ давно, нѣкто г. Рудинъ (И.), говоря о малорусской труппѣ, игравшей въ Москвѣ, коснулся между прочимъ языка этихъ актеровъ, и вотъ что онъ пишетъ по сему поводу:

«Разъ мы упомянули о труппѣ вообще, то кстати слѣдуетъ замѣтить, что молодежь малорусской труппы не вполне владѣетъ малорусскимъ языкомъ или правильнѣе сказать нарѣчіемъ: многіе говорятъ языкомъ, который сами малороссы называютъ «мѣщанскимъ». Этотъ «мѣщанскій» жаргонъ, все болѣе развивающійся въ юго-западныхъ селахъ и деревняхъ, является первымъ признакомъ утраты чистоты малорусской рѣчи. Завзятые малороссы какъ будто не хотятъ замѣчать склонности крестьянъ вставлять въ рѣчь русскія слова, вынесенныя ими изъ городовъ и школъ. Особенно способствуетъ измѣненію языка всеобщая воинская повинность. Возвращаясь къ себѣ въ деревни, солдаты стараются говорить по-русски, стыдятся своего родного діалекта. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ малорусскій діалектъ сохраняется въ своей первоначальной чистотѣ и неприкосновенности. Это въ Волыни и въ Галиціи, бывшихъ колыбелью малорусскаго народа, потомка угличей, древлянъ тюркскихъ кочевыхъ племенъ.